

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ЛОКАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(470.4)"18"

КАЗАНСКИЕ ГУБЕРНАТОРЫ В ДОНЕСЕНИЯХ ЖАНДАРМСКИХ ШТАБ-ОФИЦЕРОВ 1826–1832 гг.

А.Н. Бикташева

Аннотация

Статья посвящена изучению казусов власти казанских губернаторов по материалам III отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Вскрывается зависимость увольнений гражданских губернаторов от результатов деятельности институтов надзора Российской империи.

Научное исследование III отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии (СЕИВК) в отечественной историографии началось только после революции 1917 года¹. При этом преимущество отдавалось карательным функциям этого ведомства. Изучение российской истории сегодня не является ареной столкновения идеологий. Современными исследователями подводятся итоги того, что было сделано историками как в России, так и за ее пределами². Общеизвестно, что донесения жандармских офицеров как самостоятельный вид источников впервые были введены в научный оборот П.А. Зайончковским³. На сегодняшний день исследовательский интерес к этим документам обусловлен изучением региональных институтов власти. Так, в исследованиях Н.П. Матхановой⁴ по провинциальной бюрократии убедительно продемонстрированы информационные возможности жандармских отчетов относительно губернаторской власти. Данная статья – это опыт сквозного прочтения донесений штаб-офицеров Казанской губернии. На примере изучения делопроизводства I экспедиции, погодных отчетов III отделения, а также материалов секретного отдела попытаемся выявить следующее: механизм взаимоотношений губерна-

¹ См.: Оржиховский И.В. Самодержавие против революционной России (1826–1880 гг.). – М., 1982. – С. 6–8.

² См.: Мустонен П. Собственная его императорского величества канцелярия в механизме властвования института самодержца 1812–1858. К типологии основ имперского управления. – Хельсинки, 1998.

³ См.: Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. – М., 1978. – С. 8–9.

⁴ См.: Матханова Н.П. Губернаторские отчеты и жандармские донесения как источник по истории российского провинциального чиновничества середины XIX в. // Источники по русской истории и литературе: средневековье и новое время: Сб. науч. тр. – Новосибирск, 2000. – С. 204–236; Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в. Проблемы социальной стратификации. – Новосибирск, 2002. – С. 12.

торов с вышестоящим начальством и подчиненными; персональные сведения о губернаторах, их политических взглядах, практической деятельности; сложившееся общественное мнение о действиях местной администрации.

Обратимся к официальным полномочиям «рассеянных» по губерnskим городам штаб-офицеров III отделения. Их деятельность консолидировалась в области политического сыска и надзора за государственным аппаратом управления. Официальный указ об учреждении корпуса жандармов появился 28 апреля 1827 года¹. Согласно этому «Положению» вся территория Европейской России подразделялась на пять жандармских округов с центрами в Петербурге, Москве, Витебске, Киеве и Казани. Округа делились на «отделения» во главе со штаб-офицерами. «Положение» 1836 года² завершило формирование единой организационной структуры российской жандармерии. Тогда же была предпринята попытка законодательного оформления должностных обязанностей чинов этого ведомства. Относительно губерnskих штаб-офицеров имелась краткая запись, что они определяются и руководствуются «особыми инструкциями шефа жандармов».

25 июня 1826 года генерал-адъютант А.Х. Бенкендорф назначается шефом жандармов и командующим императорской главной квартирой. Его первая инструкция чиновникам III отделения определила предмет их власти и место в системе управления. Но она изобиловала общими фразами, поэтому в дальнейшем потребовалось распространить для губерnskих штаб-офицеров «особую», «секретную» инструкцию, где конкретизировались их права и обязанности³. В этой «инструкции графа Бенкендорфа» и были сформулированы должностные полномочия чиновников III отделения. Первый пункт предписывал «обратить особое внимание на могущие произойти без изъятия во всех частях управления и во всех состояниях и местах злоупотребления, беспорядки и закону противные поступки». Второй обязывал «наблюдать, чтоб спокойствие и права граждан не могли быть нарушены чьей-либо личною властью или преобладанием сильных лиц, или пагубным направлением людей злоумышленных». В третьем пункте предоставлялось право обращаться к местным властям, в подчинении которых будут замечены «незаконные поступки», когда же эти «домогательства» окажутся тщетными, только тогда предписано доносить лично шефу жандармов, ибо в инструкции особо подчеркивалось – «цель вашей должности должна быть прежде всего предупреждение и отстранение всякого зла». Последующие два пункта указывали сугубо профессиональные способы реализации служебных обязанностей: приобретать уважение всех сословий и «на таком основании» вербовать себе многочисленных сотрудников и помощников, «любящих правду и желающих установления повсюду тишины и спокойствия»; узнавать и отыскивать «бедных и сирых» бескорыстных служащих, чтобы оказывать им за эти услуги «возможные пособия».

На мой взгляд, инструкция содержала вполне конкретный план действий с указанием полномочий и с четкими требованиями к самим ее исполнителям. Однако деятельность «нравственных полицмейстеров» не ограничивалась ни-

¹ Полное собр. законов Российской империи Т. 2. (ПСЗ-2). – № 1062.

² Там же. – № 9355.

³ См.: Русский архив. – 1889. – № 8. – С. 522–524.

какими законодательными нормами. Формально им отводилась роль «негласных наблюдателей», а на деле они получали право вмешиваться в дела губернаторов. С введением в губерниях новых элементов положение «хозяина губернии» ухудшилось. По мнению Э.Н. Берендтса, теперь наряду с сословным конкурентом в лице предводителя дворянства пространство власти губернаторов стало доступно для «независимого сотрудника в делах правительственных». Этим третьим членом губернского триумvirата стал представитель III отделения со своеобразными взглядами на дело, со своеобразной техникой управления, с быстро развившимися и твердо державшимися корпоративными традициями¹.

Первоначально Казанская губерния относилась к первому отделению V жандармского округа, с 1836 года причислялась к VII округу. С 1829 года штаб-офицеров стали назначать в каждую губернию. По документам тайной полиции до нас дошли фамилии жандармских подполковников: Новокщёнова, Булыгина, Маслова, Калугина. С воцарением Александра II был назначен полковник Ларионов. Подаваемая ими информация на имя шефа корпуса жандармов в виде записок, рапортов, донесений и обзоров систематизировалась аналитиками экспедиции для дальнейшего представления «к сведенью» господам министрам. Все министры были обязаны принимать эти сведения к рассмотрению «без проявления признаков благосклонности». Об этой принудительной инициативе, исходящей от самого императора, сообщалось в юбилейном «Обзоре деятельности III отделения» за 50 лет². Прежде всего это касалось министра внутренних дел, которому через шефа жандармов передавались сведения, поступавшие от штаб-офицеров. Он доводил записки жандармских офицеров до губернаторов, а те в свою очередь отчитывались перед ним о проделанной работе. Таков был механизм институциональных отношений между этими двумя ведомствами.

Фронтальный поиск сохранившихся архивных материалов первой экспедиции позволил собрать комплекс документов о состоянии власти в Казанской губернии во второй четверти XIX века. Кроме первой экспедиции, сведения о практиках властвования казанской администрации отражались в погодных отчетах III отделения. Значительная часть интересующей нас информации отложилась в секретном отделе ведомства, где скапливалась и перлюстрированная корреспонденция. Из казанских писем, адресованных родственникам и знакомым, аккуратно выписывались фрагменты, где упоминались представители власти. Сыщиков интересовали любые персональные оценочные характеристики, в особенности описание деловых качеств губернаторов, обсуждение их поведения и стиля руководства. Особое внимание уделялось сюжетам, содержащим пересказ подробностей взаимоотношений губернатора с местным дворянством. Сканирование переписки позволяло тайной исполнительной полиции обнажать мысли подданных, заглядывать в потаенные уголки раздумий современников. Первым читателем этого перлюстрированного текста являлся сам император.

¹ Берендтс Э.Н. О прошлом и настоящем русской администрации (Записка, составленная в декабре 1903 года). – М., 2002. – С. 160–161.

² Обзор деятельности III отделения собственной вашего императорского величества канцелярии за 50 лет 1826–1876 // Вестн. Европы. – 1917. – Кн. 3. – С. 97.

О достоверности донесений губернских штаб-офицеров судить трудно. Начальство читало их внимательно и регулярно, при этом жандармы не несли ответственности за допустимость ложных сведений. На это прямо указывал сам Бенкендорф: «Штаб-офицеры обязаны мне доносить о всех злоупотреблениях, до них дошедших, и донесения делают свои на слухах, которые не имеют способа проверять подробным исследованием без предписания начальства, и потому не могут и ответственность за достоверность оных»¹. Как правило, в донесениях не указывался источник информации, в текстах встречаются лишь отсылки: «по достоверным слухам замечательно», «вынужден представить вашему превосходительству общее мнение», «составлен мной из частных весьма верных сведений», «основано на слухах и частно на собственных убеждениях». Только в одном случае со всей откровенностью жандармский офицер сообщил: «...осмелюсь уведомить, что должного уважения г. губернатор не имеет. Я не смел бы положиться на слухи, для столь уважительного лица в губернии, но сам всему очевидец».

Плотность сохранившихся жандармских документов о состоянии казанской администрации различна. Хронологически они распадаются на начальные этапы правления Николая I и Александра II, т. е. на периоды их активной реформаторской деятельности. Сама интенсивность использования коммуникативных возможностей негласного надзора, на мой взгляд, является бесспорным свидетельством его эффективности. После событий декабря 1825 года император в выработке административной программы больше полагался на прогнозы «независимых» жандармских подполковников, чем на мнение гражданских губернаторов или же предводителей дворянства. В случае с Александром II в период подготовки и реализации отмены крепостного права, когда губернаторы являлись проводниками правительственных реформ, значимость «независимой» политической экспертизы в оценках штаб-офицеров многократно увеличилась.

Как правило, при назначении на новое место жандармский офицер составлял обзорное донесение, оценивая губернию в целом. Эти обобщения вбирали в себя информацию о предыдущих событиях, высвечивая преюбленность существующих проблем. Такая интерпретация «мнения» жителей губернии сохранилась в рапорте подполковника Маслова от 1831 года: «Казанская губерния одна из тех, которая более всех заслуживала внимательного наблюдения... По сие время жители Казанской губернии с признательностью вспоминают об управлении губернатора Мансурова, в нем каждый находил доброго и справедливого начальника и покровителя униженных. Мансуров находил пользу свою делать по возможности добро, оно не имело влияние на ослабление правосудия, ибо добро им деланное имело основанием смягчение строгости законов. Тогда всякий гражданин был уверен в случае какого угнетения, ежели он обратится к начальнику губернии, найти защиту, основанную на строгой справедливости. Казанская губерния под управлением его благоденствовала. По смерти Мансурова был назначен губернатором граф Толстой при ограниченном уме, не любивший делать добро, переменял совершенно систему управления

¹ Цит. по: *Оржиховский И.В.* Указ. соч. – С. 63.

своего предшественника <...> Графу Толстому сходило все с рук до ссоры с губернским предводителем Киселевым, который решил обнаружить правительству действия губернатора. По прибытии сенаторов прежних чиновников правых и виновных отдали под суд, на места их определили новых, но дела не исправились... Губернатор Нилов не имел средств восстановить порядок, ибо он большую часть времени своего управления жил в С. Петербурге. Вице-губернатор Жмакин пользуясь особенным покровительством сенатора Соймонова, назначен управляющим губерниею, и как видно находил полезным следовать системе графа Толстого. Управлял губернией в продолжении нескольких лет <...> Управление последних двух начальников губернии было весьма непродолжительным...»¹. Это сообщение в целом адекватно отражало представления местного общества о состоянии губернаторской власти за последние пятнадцать лет. Жандармский офицер стремился обобщить и даже типологизировать предыдущий опыт управления. Полагаю, появление этого донесения не было случайным. К началу 30-х годов в результате активной деятельности секретного комитета 1826 года верховная власть начала реализовывать преобразовательную программу в области местного управления. В этом контексте сверка с «общественным мнением» не была излишней. Это предположение подтверждается еще одним документом, отложившимся в фонде секретного архива III отделения по Казанской губернии под названием «О состоянии Казанской губернии, о состоянии губернского управления, о злоупотреблениях чиновников за 1826–1832 гг.»². На самом же деле речь шла здесь о событиях 1812–1826 годов. Вероятно, документ этот готовился специально. Внешне он представляет собой структурированную выборку из донесений жандармских офицеров. По содержанию это нечто иное, как ведомственная позиция III отделения на сенаторскую ревизию 1819–1820 гг. Кратко, в пяти пунктах, перечислялись причины ревизии Кушниковой и Санти, затем более подробно указывались причины увольнения губернатора Нилова. Лаконично и упрощенно было представлено состояние губернской администрации до и после сенаторской ревизии. Прописанные итоги были неутешительными: текучка кадров гражданских губернаторов не прекращалась, уездное чиновничество продолжало «кормиться» за счет местного населения. Шагом к исправлению изложенного стал указ от 27 января 1832 года, по которому в Казанской губернии генерал-губернаторская форма правления отменялась, вместо гражданских губернаторов сюда вновь стали назначать военных губернаторов³. Служебные взаимоотношения жандармских офицеров с военными губернаторами заметно потеплели, в ведомственной переписке появились сведения о совместных действиях.

Однако вернемся к жандармским донесениям первых лет негласного надзора, ко времени апробации нового механизма надзора, когда шла его притирка с другими институтами власти. Жандармские донесения в своем большинстве представляют собой сюжетное, но разорванное повествование. При систематическом прочтении имеющийся в них информационный калейдоскоп можно сложить в цельные сюжеты об управлении и о личности отдельных казанских

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 109. 1 экспедиция 1831 г. – Д. 529. – Л. 1–4.

² Там же. Ф. 109. – Оп. 3а. – Д. 1171. – Л. 1–3.

³ ПСЗ-2. – № 5108.

губернаторов. Можно выявить причины увольнений некоторых из них. К примеру, в секретной части III отделения отложились документы об обстоятельствах перевода в Симбирскую губернию Александра Яковлевича Жмакина (исполнял обязанности казанского губернатора с 1823 по 1826 гг.). Его увольнение переводом в другую губернию оказалось следствием ревизии попечительской деятельности Михаила Леонтьевича Магницкого. С недавнего времени Жмакин стал тестем Владимира Ивановича Панаева¹, одного из вдохновителей изгнания Магницкого из Казани². Панаев, вспоминая о тех событиях, искренне сокрушался, что политическая дезориентация тестя обернулась для него потерей места казанского губернатора. Виной тому назывались интриги уже обреченного Магницкого. Миссия генерал-майора П.Ф. Желтухина (был женат на дочери князя Д.В. Тенишева) казалась очевидной для всех. Как доверенное лицо императора, он был направлен в Казань с целью ревизии Казанского университета и организации смещения попечителя учебного округа. Желтухин вынужден был объясниться с Панаевым относительно судьбы правящего губернатора: «Судите сами, мог ли я сохранить с ним прежние отношения? Я ревизирую человека, находящегося под гневом правительства, а Александр Яковлевич его принимает, ласкает, а мачеха вашей супруги каждое воскресенье ездит в университетскую церковь к обедне. Следует ли так поступать начальнику губернии?.. Я давно генерал, а тесть ваш – статский советник, но помня, что он правит губернией, еду к нему. Говорят – нет дома. Чьи же это сани? Магницкого. Меня не принимают, а он – там. Судите сами»³. В мае 1826 года должность казанского гражданского губернатора досталась Отто Федоровичу Розену. При назначении ему предписывалось во всем содействовать ревизии университета⁴. Правил он недолго, после его неожиданной кончины (12 апреля 1828 г.) назначение в Казань получил действительный статский советник Иван Григорьевич Жеванов. До его прибытия губернией управлял вице-губернатор Евграф Васильевич Филиппов (1826–1836 гг.).

В течение десяти лет он являлся постоянным фигурантом жандармских донесений. Вот первое сообщение о нем: «Филиппов известен многим здешним чиновникам, так как выслужился от полкового писаря до вице-губернатора, 11 месяцев исполнял должность губернатора и был чрезвычайно недоволен, что МВД никакого вознаграждения ему не дало... Образование его весьма убогое...»⁵. К этому добавлялось, что на свои именины только на вино он потратил 1000 рублей и к тому же соблазнил и обесчестил девицу Федорову. Подобные слухи о чиновниках губернаторского окружения Жеванов посчитал клеветой, выражая возмущение методами сбора информации, которые использовали подчиненные графа Бенкендорфа. Подполковник Новокщёнов в свою очередь докладывал: «...Казанский губернатор вместо того, чтобы содействовать общими силами, остался на меня в неудовольствии. Разглашает то, что секретно ему от

¹ См. о нем: Казанский университет (1804–2004): Биобиблиографический словарь. Т. 1. 1804–1904. – Казань, 2002. – С. 390–391.

² Воспоминания В.И. Панаева. III глава // Вестн. Европы. – 1867. – Т. 4. – С. 72–121.

³ Там же. – С. 118; Загоскин Н.П. История императорского Казанского университета за первые сто лет его существования. 1804–1904. – Казань, 1904. – Т. 4. – С. 548.

⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1286. – Оп. 4. – Д. 449.

⁵ Там же. Ф. 109. 1 экспедиция, 1829 г. – Д. 223. – Л. 1.

меня сообщается прежде нежели доносит Вашему Превосходительству ...при личном же моем с ним свидании у него на дому заметил я, что он как бы подзревая меня в личности против себя, сказал мне, что я опасен, что мне будет худо, за то, что я окружаю себя будто бы дурными людьми, и что я от сего много потеряю. Сии его слова меня не мало удивили, тем более как бы угрожал мне Вашею Благодетельною для меня особою. Но г. губернатор того не знает, что мне для узнания в подробностях все злоупотребления во вверенной ему Казанской губернии все люди наготове...»¹. Шеф жандармов на титульном листе поданной записки карандашом сделал запись, чтобы Новокщёнов перестал писать на имя губернатора, а «только писал ко мне». Отныне сам А.Х. Бенкендорф без посредника ставил казанского губернатора в известность о «творимых беспорядках в вверенной ему губернии». После этого казанскому губернатору пришлось оправдываться, что в Казани вообще «размножились люди, вредящие славе правительства, порицающие и перетолковывающие по своему всякое доброе действие оногo»².

Правление этого гражданского губернатора оказалось также кратковременным. По воспоминаниям современников, единственным доверенным его лицом был его личный адъютант Александр Карлович Оливей. В обществе поговаривали, что «он ловко пользовался своим вполне благоприятным положением и, прибыв в Казань налегке, через шесть лет, уехал оттуда в изящном, тучно нагруженном тарантасе, которыми Казань тогда славилась»³. Достался он Жеванову в наследство от предыдущих губернаторов. В то время, когда провинциальная чиновничья жизнь продолжала развиваться привычным ходом, в недрах III отделения постепенно формировалось досье на каждого «неблагонадежногo», упоминавшегося в сводках штаб-офицеров.

Толчком к изменениям положения дел в управлении Казанской губернии послужил донос бывшего дворянского заседателя ядринского уездного суда прапорщика Ивана Мисаилова. «Всеподаннейшее прошение» было передано им в собственные руки Николая I в Варшаве в 1830 году⁴. В нем сообщалось о «свирепых» и «наглых» злоупотреблениях, совершающихся в Ядринском уезде по отношению к «непросвещенному народу чуваш» со стороны земского исправника Лукомского и всех чиновников земского суда. Прямое вмешательство императора в застойные процессы административной жизни Казанской губернии ускорило развитие событий. С этого момента верховное внимание к казанским событиям не ослабевало. Уже в мае шеф жандармов получил подтверждение о справедливости доноса Мисаилова. Расследование должностных преступлений в Казанской губернии было поручено подполковнику Маслову, из доверенных офицеров самого императора. Тексты его донесений выдавали в нем не только отличного исполнителя и профессионала, но и личность неординарную, осознающую степень ответственности за возложенное на него поручение. Он сразу отметил особенность губернии, «происходящую от большого

¹ РГИА. Ф. 109. – Оп. 3а. – Д. 1171. – Л. 6 об.

² Там же. Ф. 109. 1 экспедиция, 1829 г. – Д. 223. – Л. 2.

³ Губернатор доброго старого времени. Воспоминания старожилы // Русская старина. 1907. – Т. 131. – С. 188–189.

⁴ ГА РФ. Ф. 109. 1 экспедиция, 1830 г. – Д. 186. – Л. 1–2.

числа спускаемых сюда сенаторских ревизий», но так «зло не истребивших». Метастазы злоупотреблений губернских чиновников продолжали распространяться. В качестве доказательства Маслов приводил вскрытое сообщество взяточников, возглавляемое Межуевым, занимавшим пост советника губернского правления. Этот чиновник в сговоре с ядринским исправником Лукомским (в документах встречается Лукманский) и правителем губернаторской канцелярии Дороховым нажил «лихоимством целое состояние» и прибрал к рукам всю «распорядительную часть» в губернии¹. По свидетельству жандарма, «кормясь с распределения чиновничьих мест на откуп», эти поделельники и являлись реальными правителями губернии.

Далее жандармский подполковник перешел к оценке позиции губернатора по отношению к происходящему. Он пишет: «Я наблюдаю строго за тем чиновником, который обличен доверием от правительства и готовится занять место и выше»². Упомянутым в рапорте чиновником был генерал-майор Альберт Карлович Пирх. Он получил в ноябре 1830 года должность казанского губернатора после кончины Жеванова. Подробно расписав факты поборов по уездам Казанской губернии, жандармский офицер обратил внимание своего начальства на отношение губернатора Пирха к своим обязанностям. Он пишет: «Послабление ж со стороны губернатора очевидно во всех отношениях <...> г. казанский гражданский губернатор чистосердечно сознался мне, что он для того искал место губернаторское, чтоб получить только звание сенатора, следовательно, в виду не было с его стороны быть полезным службе»³. Следующие строки были равны приговору: «...осмелюсь уведомить, что должного уважения г. губернатор не имеет. Я не смел бы положиться на слухи, для столь уважительного лица в губернии, но сам всему очевидец образу жизни Его Превосходительства, кроме обедов ежедневных по купечеству, а после обеда в театре, обременен к тому же спячкой. Нельзя успеть при такой жизни в делах, разве только сохранить канцелярский порядок»⁴. После такой характеристики править Пирху в должности гражданского губернатора пришлось недолго – с декабря 1830 по май 1831 года, и тем более невозможно было надеяться на перевод в столицу. В середине мая по причине болезни он передал управление губернией вице-губернатору Филиппову и 21 июня по собственному прошению получил отставку⁵. Поводом к увольнению послужила болезнь, она была вызвана безвременной смертью его молодой супруги – Анны Николаевны Музиной-Пушкиной (1802–1831), родной сестры попечителя Казанского учебного округа. В этом можно усмотреть провиденье судьбы, стечение обстоятельств, но мечты о сенаторской карьере для Альберта Карловича Пирха оказались несбыточными. Полагаю, по одному только этому случаю нельзя усматривать прямую зависимость между официальным мнением жандарма и увольнением губернатора. Но для самих штаб-офицеров подобные решения являлись высшим признанием их «незримой» служебной деятельности.

¹ ГА РФ. Ф. 109. 1 экспедиция, 1830 г. – Д. 186. – Л. 4–5.

² Там же. – Л. 6.

³ Там же. – Л. 6 об.

⁴ Там же. – Л. 10 об.

⁵ Пуларев А. Казанские губернаторы // Казанские губернские ведомости. – 1856. – № 34.

Итак, рассмотрение казусов власти по сводкам жандармских офицеров позволяет говорить о неформальных сторонах власти губернаторов. Они способствуют реконструкции недостающих, «выпадавших» из официальных хроник и сообщений событий. В них отмечаются факты должностных преступлений, нравственной и политической неблагонадежности, о чем нельзя было говорить, не подрывая устои самодержавной власти. Материалы III отделения уточняли и расширяли знания центра о реальном положении дел в губерниях.

Summary

A.N. Biktasheva. Kazan Governors in Gendarme Staff Officers' Reports 1826–1832.

The article explores the casus of Kazan governors' power basing on the materials of the Third Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery. The research reveals the dependency of civil governors' dismissals on Russian Empire's supervisory authorities operating results.

Поступила в редакцию
05.09.07

Бикташева Алсу Назимовна – кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры отечественной истории Казанского государственного университета.